

СЕРГЕЙ
Зверев

**Мыс мертвой
надежды**

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕШНАЗ

ЭКСМО

Спецназ

Сергей Зверев

Мыс мертвой надежды

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

Мыс мертвой надежды / С. И. Зверев — «ЭКСМО»,
2014 — (Спецназ)

Российскими учеными разработан суперсовременный подводный комплекс «Посейдон», способный в разы повысить эффективность боевых пловцов. Испытание комплекса решают провести в Черном море в обстановке строжайшей секретности. Тестировать оборудование поручают капитану третьего ранга Андрею Истомину. До «полигона» исследовательская группа добирается без происшествий, но буквально через несколько минут после погружения на Истомина нападают неизвестные. Злоумышленникам удастся оглушить боевого пловца. Истомин приходит в себя на военном катере: руки связаны, комплекса рядом нет, а вокруг слышна английская речь...

© Зверев С. И., 2014

© ЭКСМО, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Зверев

Мыс мертвой надежды

© Зверев С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

«В Минобороны опровергли информацию о том, что выведение кораблей в Средиземное море связано с сирийским конфликтом. «Авианосец «Адмирал Кузнецов» направляется в сторону берегов Сирии, но не из-за готовности западных сил к военному вторжению в арабское государство», – заверил в интервью РБК источник в военном ведомстве.

По его словам, судно присоединится к оперативному соединению кораблей ВМФ, выполняющему учебно-боевые задачи. Отметим, что в настоящее время в Средиземном море находятся большие десантные корабли «Шабалин», «Адмирал Невельской» и «Пересвет», а также сторожевой корабль «Неустрашимый».

Накануне также стало известно, что Россия отправила к берегам Сирии большой противолодочный корабль и ракетный крейсер «Москва». В Минобороны, впрочем, не спешат заявлять о подготовке к приближающемуся военному конфликту: по данным чиновников, корабли могут быть использованы для эвакуации россиян, если ситуация в Сирии все же обострится».

Август 2013 года.

Восточное Средиземноморье.

Борт ракетного крейсера «Москва»

Из динамика, встроеного в переборку, раздался звонкий голос капитан-лейтенанта Мшанова:

– Капитану третьего ранга Истомину срочно прибыть к командиру!

Андрей Истомин, зависший в наклонном положении с заведенными за голову руками, выслушал приказ, рывком выпрямился и спрыгнул на пол. Боевые пловцы прекратили занятия и с нескрываемым любопытством посмотрели на своего командира. За неделю, в течение которой крейсер торчал между Кипром и берегами Сирии, они порядком заскучали.

Почти все дни напролет группа из двенадцати морских спецназовцев проводила в тренировках со снаряжением, изматывала себя в спортзале, в различных наспех придуманных состязаниях. Но все это было, как говорили сами пловцы, «на сухую». Группа российских кораблей все время маневрировала, меняла курс. И для подводных тренировок условий не было.

Андрей легко взбежал по трапу, открыл дверь и вошел на ходовой мостик. Капитан-лейтенант Мшанов был самым молодым помощником командира крейсера и гордился этим неизменно. Точнее сказать, офицер очень смущался этой приставкой к своему статусу – «самый молодой» – и все время пытался всем доказать, что он не хуже других. Как-то еще в Атлантике Мшанов поспорил с самим Истоминным, что продержится под водой дольше его без дыхательного аппарата.

Андрей на сорок пятой секунде сделал вид, что ему уже не хватает воздуха, и всплыл на поверхность с крайним смущением на лице. Мшанов, торжествующий и красный от удовольствия, поднялся через тридцать секунд и был встречен громогласным хохотом всей группы боевых пловцов. Он так и не понял, почему веселились спецназовцы. Подойдя к Истомину, Мшанов снисходительно похлопал его по плечу и посоветовал избегать ситуаций, когда самонадеянность приводит к таким вот насмешкам твоих подчиненных.

Андрей кивал, с огромным трудом сдерживая смех и показывая за спиной кулак своим офицерам. Мшанову было невдомек, что любой из боевых пловцов легко выдерживает без воздуха три минуты на глубине до пяти метров. При условии, конечно, абсолютного спокойствия. Чтобы не тратить кислород в организме. Ну а при активном движении они могут обходиться без дыхательного аппарата до полутора и даже двух минут. И за это короткое время каждый

боевой пловец сможет убить такого ухаля, как Мшанов, раз пять, а то и десять самыми различными способами. Его просто разыграли.

– Истомин! – с укором в голосе произнес Мшанов, демонстративно глянул на хронометр под потолком и кивнул на дверь за спиной.

Андрей решительно толкнул ее и вошел на командный пункт, совмещенный с каютой командира. Здесь уже сидели офицеры.

– Товарищ капитан первого ранга!.. – Он вскинул руку к берету, но командир остановил доклад коротким жестом.

– Прошу вас, Андрей Владимирович, – предложил он. – Подойдите к карте. Сейчас мы выходим в места с очень сложным рельефом дна. Перепады глубин позволяют диверсантам вероятного противника скрытно подойти к нашей группировке на расстояние пистолетного выстрела. Это место нам определено как боевая позиция штабом флота. Я полагаю, что наступила пора вашего участия в обеспечении безопасности. Ваши предложения?

Андрей сдержал улыбку. Наконец-то его команда окунется в морские воды.

Он подошел к карте, взял карандаш и проговорил:

– Я полагаю обойтись штатными удаленными буями-сонарами, которые установит вертолет. Из новых средств, которые мы получили перед походом, я хотел бы использовать заглубленные буй-ловушки со средним зарядом.

– Поясните.

Андрей показал карандашом извилистое повышение рельефа и заявил:

– Со стороны побережья к нам подводной лодке не подойти. Она там не сможет развернуться. Нет ни одного достаточно прямого участка длиной более ста двадцати метров. Со стороны Крита мы закроемся буями, а с побережья нам могут угрожать диверсионные группы. У них есть шанс скрытно подойти к нам по трем направлениям, используя мобильные личные или групповые средства со скоростью до пяти – восьми узлов. Это значит, что при их выброске вот на этом расстоянии они могут достичь борта крейсера, к примеру, за тридцать – сорок минут.

– Способы высадки? – поинтересовался командир БЧ-2. – Мы можем засечь подводную лодку за пределами...

– Вертолет, например, – тут же вставил Истомин. – Сколько воздушных целей вы фиксировали за сегодня? Или надводных высокоскоростных?

– Предлагаю провести учебные стрельбы, – тут же выпалил один из молодых офицеров, догадавшийся, о чем идет речь.

– В пределах пятимильной зоны сегодня фиксировались низколетящие цели и маломерные суда, – подтвердил командир. – Но прошу не забывать, товарищи офицеры, что мы в нейтральных водах и район стрельб не объявляли закрытым. Да и не будем этого делать, потому что здесь очень активное судоходство.

– На близком расстоянии в пределах нескольких кабельтовых мы, наверное, можем пострелять, – проговорил командир БЧ-1. – Но что нам это даст? Мы утопим возможных диверсантов-аквалангистов, но повредим наши удаленные сонары.

– Прошу разрешить выход, товарищ капитан первого ранга. – Истомин вытянулся, глядя командиру прямо в глаза.

– Что вы предлагаете?

– Двумя группами я обследую вот эти проходы. – Истомин показал на карте. – Здесь глубины до ста пяти метров, поэтому мы возьмем дополнительные баллоны с кислородно-гелиевой смесью. Вот этот проход, самый южный, можно перекрыть сонарами, но сейчас следует пустить пару катеров с переносной аппаратурой.

– Так, может, нам все три прохода прочесать катерами? – предложил командир БЧ-1.

– Прошу прощения, – вставил Истомин. – Боевые пловцы – подразделения разведки флота. Помимо охраны группировки мы еще обязаны установить возможного противника и средства нападения, которыми он располагает. Если мы станем бомбить все фарватеры, то кроме мертвой рыбы ничего не получим.

– Хорошо, – принял решение командир. – Я отдаю приказ готовить катера и вертолет. Вам, Истомин, сколько нужно времени для подготовки выхода?

– Час десять, считая с этой минуты, – четко ответил Андрей.

– Отлично. Я рад, Андрей Владимирович, что вы находитесь на моем корабле. Слышал прекрасные отзывы о вас, продолжателе славной морской династии Истоминых. Я рассчитывал на ваше понимание ситуации. Если честно, то я час назад связывался с разведуправлением штаба флота, и мы пришли к такому же мнению. Именно сейчас самое время совершить диверсию против нашей группировки кораблей с тем, чтобы свалить вину на сирийскую оппозицию. Кое-кому очень хочется, чтобы мы перешли к активным боевым действиям в этом регионе, чего делать нам как раз и не следует ни при каких обстоятельствах.

– Разрешите выполнять? – с каменным лицом осведомился Андрей, хотя командир смутил его своими откровениями.

В узкий извилистый южный проход Андрей пошел сам, взяв с собой старшего лейтенанта Кулакова, самого дисциплинированного и хладнокровного бойца, и лейтенанта Овчаренко. Еще одну группу из трех человек он отправил обследовать и блокироватьсонарами второй проход. Остальные члены группы на катерах подстраховывали пловцов и держали связь с бортом крейсера. Вертолет ушел на север, где имелся самый большой проход, который могла пройти даже подводная лодка.

Андрей рассчитывал решить задачу в два этапа. Он хотел сначала установить ряд сонаров на верхнем уровне, потом сменить баллоны и спуститься ниже девяноста метров. Маловероятно, конечно, что кто-то будет плыть с аквалангами на такой глубине. Диверсант, который должен установить у днища крейсера мину, обязан иметь возможность быстро всплыть и уйти как можно дальше от места предполагаемой диверсии. С глубины более шестидесяти метров аквалангист должен подниматься примерно час, чтобы избежать кессонной болезни.

«Это будет уже не диверсия, а самый настоящий цирк, – рассуждал Андрей. – Либо они попробуют скрытно пройти на глубинах до тридцати метров, либо там вообще никого нет».

Но проверить он был обязан. Тем более что в последние годы очень часто стали появляться интересные разработки в области способов погружения и активной деятельности под водой. Мало ли кто чего изобрел в недрах дьявольских лабораторий НАТО. Эти ребята могут опробовать новую игрушку на русском крейсере.

Кулаков умело шел впереди и чуть ниже. Овчаренко, самый сильный, двигался сзади с грузом сонаров. Андрей должен был руководить действиями группы и прикрывать обоих пловцов.

Легко сказать – руководить! Радио под водой не действует, поэтому все контакты происходят с помощью жестов. Для этого существует правило оглядываться на командира и посматривать в сторону других бойцов группы через каждые тридцать секунд. Почти как летчики-истребители во время Великой Отечественной войны. За сорок секунд самолет противника успеет зайти тебе в хвост. Наверху, в катере, прикрывающая группа в случае опасности поймет по сигналам, что товарищи наткнулись на пловцов врага, и придет на помощь. Но для этого нужно время.

Кулаков шел хорошо. Он умело придерживался рельефа боковой стены, то терялся в колышущихся водорослях, то соскальзывал ниже, прямо как настоящий подводный змей.

Прозрачность воды оставляла желать лучшего, потому что в этих проходах, образовавшихся при разрушении скальных пород, поднявшихся некогда с морского дна, всегда имеют

место локальные течения. Они поднимают муть, сравнимую с той, которую вызывают прибрежные волны.

Андрей первым заметил чужого пловца слева от себя и метра на три выше. Черный гидрокостюм, такие же баллоны за спиной и пружинное оружие в руках. Этот тип видел Кулакова.

Андрей чертыхнулся про себя. Как старший лейтенант мог проворонить другого пловца? Ведь он даже знака не подал, что кого-то засек. Андрей вскинул руку, приказывая Овчаренко замереть и скрыться у стенки.

И тут он понял все! Кулаков никого не проворонил, просто принял решение, исходя из той информации, которая у него была. Он надеялся, что командир увидит пловца сверху и примет меры, а сам просто не мог поднять руки для подачи сигнала. У него не было времени на это.

Маленький скоростной аппарат, чем-то похожий на спортивный боб, в котором сидели два аквалангиста, вырвался из прохода как раз на уровне Кулакова. Старший лейтенант оттолкнулся от скалы и резко вышел ему наперерез.

«Все правильно, – подумал Андрей, поднимая ствол АПС. – Кулакову только и оставалось, что кинуться на эту штуковину, прямо как под гусеницы танка».

Истомин срезал пловца короткой очередью с расстояния метров в пятнадцать, чем, наверное, несказанно удивил его перед смертью. На глубине до тридцати метров АПС уверенно поражает живую силу на расстоянии до двадцати метров. А ближе к поверхности работает и на тридцать.

«Даже если это и дайвер, то я все равно совершенно прав, – думал Андрей. – Дураком надо быть, чтобы приближаться на такое расстояние под водой к военному судну. Да и не мог он быть дайвером, как не могут быть подводными спортсменами те субъекты, которые несутся ниже на подводном аппарате. Неоткуда им взяться в открытом море, за столько миль от берегов Сирии и Кипра. Даже здесь, где глубины поднимаются до двадцати метров. Подводных красот достаточно и у берегов на шельфе. А эти!...»

Кулаков оказался прямо перед аппаратом. Он лежал на боку. Вода перед ним вспенилась пушистыми пузыряющимися струями, протянувшимися от ствола его автомата прямо к подводному катеру.

«Если он начнет стрелять по пловцам, сидящим в этой штуковине, то наверняка промажет, и мы их упустим», – успел подумать Андрей и кинулся вниз, наперерез аппарату, понимая тщетность своих усилий.

Но тут что-то произошло. Аппарат вдруг резко сбавил скорость и вильнул в сторону. Кулаков ударился о его борт, и там закипела схватка. Андрей приказал Овчаренко прикрывать его от возможных нападений других противников и ринулся вниз на помощь.

«Держись, Кулак, держись! – мысленно повторял он. – Ты умница, ты стрелял в двигатель! И расстояние было минимальным, и скорость аппарата слишком велика, чтобы ты успел придумать и сделать что-то другое. Ты рисковал собой, но теперь мы их возьмем».

Вокруг аппарата, где сцепились три человеческих тела, медленно расплывалось темное облако. Это была кровь. Андрею оставалось преодолеть всего метра четыре, когда к нему устремился тонкий длинный снаряд – стрела, выпущенная из пружинного пистолета. Истомин чуть повернул тело и пропустил снаряд мимо себя.

Чтобы сбить противников с толку и не попасть в своего подчиненного, Андрей выпустил из автомата короткую очередь по носовой части корпуса аппарата. Новое облако крови стало расплываться в воде. Оказывается, он попал в ноги того противника, который все еще сидел в аппарате.

Андрей ударил стволом автомата по оружию противника, направленному на него, тут же перехватил руку с ножом. Только теперь он заметил, что Кулаков как-то странно валится

на одну сторону и медленно тонет. Андрей вывернул руку противнику, заставил его выронить нож, отметил, что второй чужак выпустил изо рта загубник и свесился в кресле аппарата.

«Да где же вы там? – со злостью подумал он, и тут мимо скользнули три тени в темно-серых гидрокостюмах. – Наконец-то!»

Андрей отпустил своего противника только тогда, когда руки кого-то из его пловцов выдернули пленника из подводного катера, вырвали из его рта загубник и потащили бьющееся тело к поверхности. Второй аквалангист вместе с аппаратом медленно опускался в черные глубины моря. Истомин видел, как двое его парней подхватили обмякшее тело Кулакова и потянули наверх.

Потом рядом оказался Овчаренко, тыкающий рукой куда-то вправо и вверх. Там обнаружился еще один аквалангист в черном гидрокостюме, неподвижно застрявший в камнях.

«Значит, Овчаренко его срезал! Выходит, был еще один разведчик перед катером. Молодец, лейтенант!» – подумал командир группы и потерял сознание.

Очнулся он уже в медпункте. Грудь болела, голова была тяжелой, а правая нога в районе бедра тупо ломилась и пульсировала. Хирург смотрел на Андрея с улыбкой. Рядом тихо попискивала какая-то аппаратура.

– Черт возьми, – прошептал Андрей непослушными губами. – Я ранен? Или что со мной?

– Ранен, голубчик, ранен. Тебе ногу острой проткнули, а потом ты еще плавал там, командовал.

– Ребята как? Кулаков?

– Кулакова твоего мы только что отправили вертолетом в Дамаск, в клинику. Ему нужна срочная серьезная операция. У парня пробито легкое, он потерял много крови.

– Жаль, – проговорил Андрей и откинулся на подушку. – Вообще-то он совершил самый настоящий подвиг.

– Знаю-знаю. Вашего пленника сейчас активно потрошат. Говорят, что вы взяли хорошо подготовленную группу, снаряжение их изучают. Думаю, что через полчаса к тебе командир лично пожалует. Руку пожать, поблагодарить.

– Больше раненых нет?

– Не волнуйся, Истомин, все живы и здоровы. Пока вместо тебя Орлов командует. Они поставили вокруг каких-то хитрых штучек, и теперь к нам мышь не проскочит, подводная, конечно.

– Мне когда встать можно будет?

– Не торопись, дружок. – Доктор улыбнулся и похлопал Андрея по руке. – Тебе встать нельзя недельки три или четыре. Командир приказал завтра отправить тебя на Кипр, там сядет наш борт из МЧС. Полетишь в госпиталь в Новороссийск.

– Что? Почему? – Андрей разволновался, приподнялся и впился взглядом в хирурга. – Что-то с ногой?

– Кость задета. Ничего страшного, но лучше не рисковать и залечить рану в стационарных условиях. С костной тканью шуточки плохи, особенно если заразу какую-нибудь занести.

Санкт-Петербург

Антон, рослый красавец двадцати восьми лет, снял эту квартиру на набережной Мойки две недели назад. Это было как наваждение, настоящее помрачение рассудка. Антон никогда не думал, что сорокалетняя женщина может околдовать его до такой степени. В результате квартира, в которой он намеревался жить, превратилась в любовное гнездышко, в приют их страсти. Антон остался в общежитии НПО «Каскад», где работал уже шесть лет, в том числе и во время учебы в аспирантуре.

Основания не жить в квартире, где происходили любовные встречи, у Антона были. Во-первых, переспать с женщиной и ночевать с ней – эти ситуации были для него разными. Зача-

стую взаимоисключающими. Да, запутаться после душа в белых простынях, сплестись трепещущими телами – это одно. Тут страсть, блаженство и радость до одурения.

Но спать с этой же женщиной рядом всю ночь, просыпаться утром и чувствовать несвежий запах из ее рта, в который ты вчера впивался страстными и жадными поцелуями, видеть ее припухшее лицо без следов волшебного макияжа, ощущать запах тела, с которого уже слетел аромат вчерашних шампуней!.. Антон терпеть не мог портить впечатление об объекте своей страсти. Он не допускал таких контрастов в восприятии прекрасного.

Во-вторых, Антон до потери рассудка увлекся женщиной, которая очень некстати была женой профессора, члена-корреспондента Академии наук. Этот влиятельный человек мог одним махом, совершенно не напрягаясь, разрушить всю карьеру молодого ученого. Но Антон был не просто страстным человеком, очень даже интересующимся женщинами, но еще и грузином, пусть и с заметной примесью русской крови.

А влюбиться было из-за чего. Мария Ивановна Говорова была лет на пятнадцать моложе своего мужа. В свои сорок лет она выглядела просто великолепно. Натуральная блондинка с серыми пронзительными глазами, пухлыми чувственными губами и идеальной фигурой! При первом же взгляде на нее у молодых коллег мужа кружились головы. Но Маша не была ветренницей, не строила глазки всем подряд. Даже самые злые языки не распускали о ней слухов и не приписывали ей любовников.

Антон не знал, были ли когда-нибудь у Марии Ивановны любовники. Он бросился в отношения с ней как в омут. Зажмурившись и махнув на все рукой.

Антон захотел ее, как только впервые увидел на новогоднем корпоративе. Он мечтал о ней, грыз ногти, искал встреч. Но впервые поговорить с ней, посмотреть ей в глаза Антону удалось лишь седьмого марта. В этот день у них, конечно же, чествовали женщин в преддверии праздника.

Антон стоял у столика для фуршета и смотрел на Марию Ивановну, которая пришла с мужем. Но почтенный профессор уже не обращал на супругу никакого внимания, увлекся обсуждением каких-то архиважных научных проблем. Чудо, а не женщина! Нечего удивляться, что вокруг нее тут же стали виться ученые мужи, не только молодые, но и вполне зрелые. Один предлагал ей подлить шампанского, другой угощал фруктами, третий подносил сладости.

Антон решился, налил себе полный фужер и громко потребовал всеобщего внимания. В этот момент он увидел блеск ее глаз, любопытство, даже интерес.

Антон стал говорить тост. Таковых в его репертуаре было много. Будучи грузином, он просто обязан был развлекать гостей на всех застольях бездонными глубинами горской мудрости.

Бог создал мужчину. Тот бродил по горам и лесам, а солнце тогда все двадцать четыре часа освещало землю. Потом Всевышний решил сотворить женщину. Когда он сделал это, солнце увидело всю ее красоту, поблекло и от стыда ушло за горизонт. Так на земле день стал сменяться ночью. В финале Антон, разумеется, предложил выпить за женщин, творение Господа, которое затмило даже солнце.

Эффект был не слабым. Подвыпившие ученые мужи встретили тост с таким энтузиазмом, что Мария Ивановна заметно смутилась и посмотрела на молодого человека с еще большим интересом. Потом зазвучала музыка, и Антон за свой тост был удостоен медленного танца. Они болтали, его руки нежно прижимали женщину. Антон просто засыпал Марию Ивановну изысканными комплиментами, которые вместе с шампанским, кажется, начали кружить ей голову.

Антон прекрасно понимал, что разница в возрасте вовсе не будет служить препятствием. Лишь немногие женщины придерживаются принципа, что их партнер должен быть ровесником или старше по возрасту. Честно говоря, большинство очаровательных дам, переходя сорокалетний рубеж, начинает тяготеть к молодым людям. Женщины как будто возвращаются в те годы, когда им тоже было столько лет.

Мария Ивановна зачастила в «Каскад» не просто так. Это Антон понял сразу. Оставаясь беззаботной домохозяйкой и распоряжаясь собственной машиной, она вдруг под разными предлогами стала приезжать к мужу все чаще и чаще. Антон пару раз слышал, как профессор Говоров сам звонил Маше и просил привезти какие-то бумаги, которые он по забывчивости выложил из своего портфеля и оставил дома. Антон заподозрил, что это было делом рук супруги профессора, которая искала легальный повод приехать к ним в институт. Он уловил в этом интерес к себе и пошел напролом. Разумеется, тайно от всех.

Антон дважды устроил случайные встречи с Марией Ивановной за пределами стен «Каскада». На второй раз он пылко, со страстными лобзаниями ее рук признался в своих чувствах, поглощающих рассудок и сжигающих его целиком.

Она, как и предусмотрено правилами хорошего тона, напомнила, что является замужней дамой. Только второй причиной была названа разница в возрасте. Тут Антон выплеснул целый поток комплиментов, возвышающих, делающих еще более желанной женщину именно в таком возрасте, когда ее красота расцветает по-настоящему.

В его постели она оказалась через неделю. Он заранее понял, что это должно случиться, и впервые за все лето их свиданий пригласил женщину к себе домой. В смысле, на съемную квартиру на Мойке. Все их тайные скромные поцелуи, которые имели место этим летом, должны были одним махом перейти в нечто гораздо большее.

Так и получилось. Это было начало августа. Антон признался, что вместе с группой конструкторов уезжает на Черное море, на испытания оборудования, поэтому их встречи придется прервать. Она начала было шутить, что Антон пытается сбежать от нее, но он закрыл ей рот жарким жадным поцелуем. Сорокалетних женщин он еще не целовал и сразу понял, что это огромное упущение с его стороны. Это вам не девочка!.. Тут невероятный потенциал, это огромный запас страсти, которую не смог утолить супруг, занятый решением научных проблем.

Они целовались так, что у него заболела челюсть, катались прямо в одежде по его двуспальной кровати, задыхались, хватали друг друга широко раскрытыми мокрыми ртами. Он ощущал ладонями ее тело. Оно было таким податливым, столь жаждущим, как будто его не ласкали уже лет двадцать как минимум. Она позволяла, хотела, отдавалась ему с явным нетерпением, с такой жадностью и иступлением, что Антон просто дурел от избытка эмоций.

А потом Мария Ивановна ушла, влепив ему прямо у порога влажный поцелуй. Антон шумно выдохнул и обессиленно сполз спиной по прохладной стене и замер под дверью. Вот это женщина! Вряд ли ее муж-профессор являлся вот таким же темпераментным любовником. Иначе у нее не было бы столько жадности и нетерпения.

Антон решил, что после такого романтического приключения надо залезть в теплую ванну с бокалом красного вина и расслабиться. Он наскоро оделся и отправился в ближайший магазин. Молодой человек уже тогда понял, что не сможет жить в этой квартире, где вся постель пропитана страстью. Нет, спать надо спокойно. Дорого же будет стоить любовь, если содержать квартиру именно ради нее...

Антон не успел додумать эту мысль до конца, когда рядом остановилась черная «Тойота». Задняя дверца открылась, и крепкий парень спросил, как проехать вот по этому адресу, и протянул листок, на котором было что-то написано. Антон подумал, что парень мог бы и сам прочитать вслух, а не совать ему эту бумажку, но подошел.

Тут распахнулась передняя дверца. Антон и охнуть не успел, как оказался на заднем сиденье «Тойоты» и услышал совет не дергаться и не поднимать шума. Сделано было все очень профессионально. Антон сразу понял, что не стоит даже пробовать орать и сопротивляться. Его тело было намертво зажато между двумя другими, весьма неслабыми.

– Ну, здравствуй, Антон Микиашили! – Человек с еле заметным шрамом на брови повернулся на переднем сиденье и широко улыбнулся. – Вот и пришло время поговорить.

– Вы кто? – хмуро осведомился Антон. – О чем вы хотите говорить со мной?

– Вот ты вроде человек ученый. – Мужчина со шрамом сделал огорченное лицо. – А выводы делаешь неправильные. Раз я сам сказал, что надо поговорить, то зачем же спрашивать, о чем именно? Естественно, я посвящу тебя в суть дела, интересного для нас обоих. Сначала посмотри вот сюда.

Он нажал кнопку, и засветился экран прибора, который Антон сначала принял за видеорегистратор. Он увидел свою голую спину, крепкую, почти атлетическую, собственный поджарый голый зад. Под этим великолепием извивалось женское белое тело. Дама стонала, кричала, называла его по имени, предлагала не спешить и продлить удовольствие.

Снято все это было откуда-то со стороны картины, которая висела в ногах кровати, на стене той самой комнаты, где Антон только что занимался любовью с Марией Ивановной. Собственно, вот и ее лицо, вполне узнаваемое, уставшее, но счастливое. А вот и сам Антон, рухнувший рядом и подставивший свою рожу под объектив камеры. Его рука шаловливо ласкает грудь женщины, все еще судорожно вздрагивающую. М-да! Сюжет для небольшого рассказа!

– Орел, а, парни? – поинтересовался у своих товарищей человек со шрамом, кивая на экран. – Если сейчас выложить этот сюжет на какой-нибудь порносайт, то за неделю, я думаю, будет не менее десяти тысяч просмотров.

– Миллион за месяц гарантирую, – заявил тот парень, который сидел справа от Антона, и хохотнул. – Я и сам еще разок посмотрел бы.

– Я думаю, что не только ты с удовольствием поглядел бы на это, – ответил главарь. – Многие серьезные люди оценили бы по достоинству этот ролик. Даже такой видный ученый, как Всеволод Иванович Говоров, и то стал бы сопереживать романтическим героям, несмотря на свой солидный возраст. Нет?

– Ясно, – обреченно пробубнил Антон и повесил голову. – Шантажировать будете. Только надо бы вам, парни, знать, что зарплата у меня не ахти какая большая, чтобы был смысл вымогать деньги. Своей квартиры у меня нет, машины тоже.

– Обсудим, – пообещал человек со шрамом. – Если только ты настроен решать проблему. Есть у тебя такое желание?

Антон молча кивнул, покусывая губу и уставившись в окно. Вид у него был расстроенный. Двое парней по команде старшего вылезли из машины и исчезли.

– Давай, перебирайся сюда, на переднее сиденье, – вполне дружелюбно предложил человек со шрамом. – Покатаемся, поболтаем о жизни.

«Тойота» тронулась, и Антон стал задумчиво смотреть на дома и каналы, проносившиеся мимо. Человек со шрамом покрутился по соседним кварталам, а потом решительно двинулся в сторону Васильевского острова. Там он свернул на улицу Кораблестроителей и выскочил на Морскую набережную.

– Пойдем-ка подышим морским воздухом, – предложил он, выбираясь из машины.

Антон молча последовал за ним. У парапета набережной они остановились, человек со шрамом закурил тонкую коричневую сигарету и снова заговорил:

– Ты наверняка понимаешь, Антон, что тебе придет конец, если мы покажем эти кадры профессору Говорову. Твоя ученая карьера на этом и завершится. Куда ты пойдешь потом? Разве что в школу, преподавать физику. Только это и останется, потому что ни в один вуз тебя не возьмут. Тут уж он постарается. Это Марии Ивановне ничего не грозит, не считая занудных бесед и внушений. Он ее слишком любит, из дома не выгонит...

– От меня-то вам чего надо? – угрюмо прервал его Антон. – Ясно же, что вы не просто так все это затеяли.

– Молодец. Соображаешь. Я скажу, что нам нужно, но ты учти, что после этого твое положение только ухудшится. Потому что ты получишь информацию, цена которой – твоя жизнь.

Ты это запомни, казанова. Хорошо запомни! А нужны нам материалы по вашим разработкам снаряжения типа «Посейдон».

– «Посейдон»!.. – Антон повернулся и уставился на собеседника. – Вы... собственно, теперь многое понятно. Значит, вы представляете иностранную разведку, да?

– Странные вы люди, дилетанты и обыватели, – заявил человек со шрамом и пренебрежительно усмехнулся. – Ну, скажи мне, пожалуйста, зачем тебе знать, кого именно я представляю. Какая тебе от этого польза? Испытать сладость от капитуляции перед непреодолимой силой? В том смысле, что продаваться узбекской разведке стыдно, а вот ЦРУ – вроде как достойно?

– Нет. – Антон покачал головой. – Это был риторический вопрос. Только вы меня ведь на измену родине толкаете.

– Вот ты и проболтался, голубчик, – сказал мужчина и рассмеялся. – Если это разработка чисто вашего НПО, то она является коммерческой тайной. А если ты заговорил об измене родине, значит, ваш «Каскад» выполняет заказ ВМФ. Материалы имеют официальный статус секретной разработки. Ладно, не парься. Это я и без тебя знал. Ты должен понять, что благодарность за твою услугу окажется весьма серьезной.

– Может, с этого и стоило начинать, – заявил Антон и недовольно скривился. – А то пугать сразу начали, порнуху крутить. Если за вами серьезные люди стоят, то они должны понимать, что в наше время купить можно любого. Под давлением человек всякое может выкинуть. Вплоть до суицида с посмертной запиской. А вот если его заинтересовать, мотивировать соответствующим образом...

– Ты мне нравишься, Антон! – заявил мужчина. – С тобой просто приятно иметь дело. У тебя абсолютно атрофировано такое чувство, как любовь к родине.

– К родине? – удивился Антон. – Я бы назвал это страной проживания. Судя по всему, вы хорошо изучили меня, прежде чем идти на контакт. Я грузин и горжусь этим, хотя в двух последних поколениях у меня подмешана русская кровь. Стыд за август две тысячи восьмого года гложет меня, как и всех представителей моего народа. Вам нужно было давить на эти вот чувства, а не размахивать компроматом или деньгами. Хотя зеленые бумажки мне тоже нужны. Так сказать, два удовольствия одновременно. И России нагадить, и получить приличный доход, который может обеспечить мне безбедное существование.

– Я скажу больше, Антон. Если мы договоримся и ты выполнишь все наши условия, то после окончания операции мы вывезем тебя за границу. Там ты получишь вид на жительство, свой дом, машину, научную лабораторию и интересную тему. Ты обеспечишь свое будущее.

– Заманчиво, – тихо проговорил Антон, руки которого суетливо двигались, теребили клапан кармана на куртке. – Значит, вам нужен «Посейдон».

Человек со шрамом с еле заметной улыбкой смотрел на пальцы Антона.

Глава 2

*Новороссийская военно-морская база
(в/ч 99608)*

Военный «Урал» въехал в ангар и прижался задним бортом к участку, огороженному стальной сеткой, верх которой был опутан колючей проволокой. Матросы в рабочих робах начали разгружать оборудование, привезенное учеными из Санкт-Петербурга. Невысокий грузный мужчина с обширной лысиной пытался руководить процессом. Он делал это весьма энергично и немного бестолково. Трое его коллег помоложе веселились и тоже больше мешали морякам, чем помогали им.

Шума и гвалта хватило, чтобы привлечь внимание дежурного по части. Моложавый и подтянутый капитан второго ранга решил вмешаться и выяснить, почему матросы работают без старшего по команде, когда заметил высокого худощавого офицера.

Представителя разведуправления штаба флота капитана первого ранга Ломашевского на базе знали. Дежурный был в курсе, что ученые, прибывшие для испытания секретного оборудования из Санкт-Петербурга, поступают под опеку Ломашевского. Поэтому вмешиваться уже не имело смысла.

– Дмитрий Сергеевич, я полагаю?.. – раздался голос за спиной ученого.

Лысый толстяк обернулся, старательно вытер носовым платком лоб, темя, потом руку и протянул ее высокому офицеру. Вид у этого капитана первого ранга был внушительный: плотно сжатые губы, колючие глаза, загорелое лицо. Фигура какая-то поджарая, прямо как у гончего пса. Чувствовалась физическая сила, мгновенная реакция и привычка быстро принимать решение.

– Да. – Ученый настороженно улыбнулся. – Я профессор Полонин. А это мои коллеги.

– Очень хорошо, – без улыбки проговорил Ломашевский. – Я прошу вас с вашими коллегами пройти сейчас за мной в здание штаба. За оборудование можете не волноваться, с ним будут обращаться надлежащим образом.

– Да, но... – Ученый замялся.

– Не волнуйтесь. Ящики и контейнеры опечатаны. Сейчас ворота закроют и возьмут под охрану. Вот и разводящий ведет наряд.

Ученый обернулся и увидел мичмана в черном кителе, за которым шли трое матросов с автоматами за плечами.

Ломашевский проводил гостей в штаб, где было собрано совещание. В небольшом светлом помещении стоял длинный стол. На нем лежала карта Новороссийского водного района, закрытая пластиковыми створками так, что виднелся только заголовок.

В комнате находились всего пять офицеров. Ломашевский представил их профессору так быстро, что тот не успел запомнить фамилий и должностей. Ученый махнул рукой, полагая, что это не особенно важно. Главное, что есть Ломашевский, который будет курировать научную группу. Именно к нему потом придется обращаться по всем вопросам.

– Прошу всех садиться, – снимая фуражку, предложил Ломашевский. – Я думаю, что некоторая торопливость всем понятна. Ничего страшного, познакомьтесь ближе в процессе работы. А сейчас я предоставлю слово профессору Полонину Дмитрию Сергеевичу, руководителю научной группы и главному разработчику нового оборудования. Пожалуйста, Дмитрий Сергеевич, коротко расскажите офицерам о новых возможностях оборудования и плане испытаний.

Профессор, который так и не успел сесть, откашлялся и попросил одного из своих помощников заняться мультимедийным проектором для иллюстрации своего доклада.

– Многоцелевой индивидуальный подводный комплекс «Посейдон», разработанный нами, является, по сути, источником информации, встроенным бортовым компьютером, помогающим водолазу или аквалангисту эффективно выполнять поставленные задачи. Комплекс потому и называется многоцелевым, что может использоваться как при чисто технических подводных работах, так и для выполнения задач боевыми пловцами. Это две модификации, которые очень мало отличаются друг от друга. Для технических работ используется упрощенный вариант, потому что водолазу не нужно столько информации, сколько боевому пловцу. Первые испытания по максимальной программе будут проводиться здесь, на Черном море. Затем они пройдут при куда более низких температурах – на Балтике и в Баренцевом море.

На стене комнаты появилось изображение шлема, отдаленно напоминающего тот, который носят пилоты современных истребителей.

Профессор взял указку, протянутую помощником, и продолжил рассказ:

– Собственно, вот этот шлем и есть почти вся система. Кроме него имеется усовершенствованная система регенерации использованного воздуха, позволяющая работать на глубинах до тридцати метров в течение полутора суток. В основе лежит химический процесс, поэтому нет никаких источников энергии, утяжеляющих снаряжение.

– А на других глубинах? – тут же спросил представитель водолазной службы.

– Да, это интересный момент, – с улыбкой сказал профессор. – На глубинах до ста десяти метров используется уже не сжатый воздух, а дыхательная смесь. Принцип тот же, который использовался ранее, только производство смеси происходит автоматически, когда при погружении аквалангиста срабатывают датчики давления. Данный процесс ограничен во времени. Это связано как с техническими трудностями, так и с ограниченными физическими возможностями человека. С началом подъема ведется отсчет глубин и времени для соблюдения условий декомпрессии. Предусмотрен автоматический режим на случай потери пловцом сознания.

Представитель водолажной службы скептически хмыкнул и заявил:

– Обычно это уже гибель. Ваша автоматика все равно поднимет на поверхность уже мертвого пловца.

– Условия потери сознания могут быть разными, – возразил медик. – Да и человеческие особенности индивидуальны. Я полагаю, что ученые просто смогут дать шанс тем людям, организм которых окажется достаточно сильным, способным выдержать около часа медленного подъема в бессознательном состоянии. Испытания могут помочь конструкторам доработать систему, чтобы изменить состав дыхательной смеси и повысить выживаемость пловцов, находящихся в бессознательном состоянии.

– Безусловно, – заверил профессор. – Мы, конечно же, внесли этот вопрос в программу испытаний. Теперь собственно об электронике. Здесь можно выделить три блока. Первый – это блок технического обеспечения. Датчики давления, контроль выдыхаемого воздуха, автомат срабатывания загубника при повреждении передней остекленной части шлема, система освещения и улучшения изображения в трех диапазонах. Еще, конечно же, передатчик, постоянно выдающий сигнал для отслеживания положения пловца с борта судна или с вертолета, если установить на нем подобную аппаратуру поиска. Надо отметить, что сигнал несет информацию не только о состоянии пловца, но и о параметрах водной среды – температура, давление и тому подобное. Собственно, и о глубине погружения, как вы понимаете, тоже. Второй блок – навигационный. Он выводит информацию на лицевое стекло. Фактически это карта со всеми необходимыми географическими объектами и спутниковая система позиционирования. Так же четко отслеживается и выводится информация по глубине погружения и расстоянию до любого другого объекта. Ни для кого не секрет, что в сложных условиях человек может не совсем адекватно оценивать ситуацию.

– А боевые системы? – спросил капитан второго ранга с обильной проседью в волосах и пронзительными голубыми глазами.

– Да, это, собственно, и есть третий блок. Боевая система регулируется на определенное расстояние. Во-первых, мы не хотели замыкаться на оружии, имеющемся у боевых пловцов. Его поражающие свойства могут и обязательно будут расти год от года. Поэтому оценка расстояния в зависимости от глубины сейчас настроена на ваши автоматы АПС. Еще в этом блоке имеется система распознавания. Увы, пока она действует на расстоянии всего в двадцать метров, но согласитесь, что и это уже большая помощь боевому пловцу, который встретился под водой с товарищем или противником.

– Значит, система поиска и контроля, которую может использовать командир с борта судна, тоже ограничена таким же расстоянием? – поинтересовался тот же капитан второго ранга.

– Все зависит от плотности среды. При глубинах, не превышающих тридцать метров, с борта судна обнаружить пловца в нашем снаряжении можно будет на расстоянии до пятисот метров. На судне можно установить куда более чувствительную аппаратуру, а в шлеме мы ограничены малым объемом. Замечу, что пловец может использовать подводный радар для обнаружения движущихся тел, размер которых сопоставим, допустим, с телом ребенка или небольшого тунца.

Новороссийск. Военный госпиталь Черноморского флота

Сегодня с моря тянуло соленым ветерком, и Андрей настежь открыл окна в палате. Рана на ноге благополучно зажила, и теперь он занимался восстановительной гимнастикой, уделял дополнительное время и тренажерному залу. Мышцы истосковались по физической нагрузке, глаза устали смотреть на больных моряков и постные лица персонала.

Пациенты хорохорились друг перед другом, напропалую ухлестывали за молоденькими медсестрами и врачами. Те давным-давно привыкли к скучающим альбатросам морей, которые всегда развлекались одинаково. На ухаживания они совершенно не реагировали, так что и Андрею приходилось тут скучать и в этом смысле.

– Андрюха! – В двери появилось лицо его соседа по палате. – Пошли в теннис постучим.

Андрей вяло махнул рукой и снова вытянулся на кровати. Ему было скучно и тошно. Не радовали даже такие развлечения, как настольный теннис.

«Как же это так неудачно получилось в Средиземном море?! Ребята там. Орлов командует, довольный, наверное, как слон. А я тут вот!..» – подумал Истомин.

В дверь тактично постучали. Это было проделано слишком вежливо и привлекло внимание раненого героя.

Андрей тут же настроился на лирический лад, принял вертикальное положение и бодро рывкнул:

– Входите! Не заперто!

Но вместо молоденькой симпатичной докторши в дверях выросла фигура его отца в форменной рубашке с погонами и белом халате, накинутом на плечи.

– Ну и глотка у тебя! – заявил он вместо приветствия и поморщился. – Прямо труба иерихонская.

– Привет, папа! – заявил Андрей, улыбнулся, соскочил с кровати и взял из рук отца выстиранную и выглаженную форму, которую тот привез ему из дома.

Андрея привезли в Новороссийск на носилках и фактически в одних плавках. Теперь, когда близилась выписка, пришло время подумать об одежде.

– Ну и как ты тут? – выпустив сына из объятий, спросил отец.

– Как обычно. – Андрей пожал плечами. – Тоска зеленая. Ребята в походе, а я тут прохлаждаюсь как на курорте.

– Ты выполнил свой долг, теперь имеешь право на отдых и лечение, – заметил отец, не приняв иронии.

В дверь сунулся было все тот же сосед по палате, но увидел на плечах гостя погоны капитана первого ранга и мгновенно исчез. Зато в палату вошла молоденькая медсестричка Оля в коротеньком халатике и кокетливой белой шапочке.

– Здравствуйте! – проговорила она, обращаясь к отцу Андрея, а его самого одарила пылким коротким взором, поставила на тумбочку стаканчик с витаминами и скомандовала: – Выпить обязательно за час до обеда!

– Слушаюсь, мон генераль! – выкрикнул Андрей, не удержался и скользнул взглядом по ровненьким гладеньким ножкам сестрички.

Оля вильнула задом и удалилась, оставив Андрея наедине с отцом.

– Все пялишься! – недовольно сказал отец. – Пора бы уже мужиком становиться.

– Мужик – это тот, кто на женщин внимания не обращает? – спросил Андрей с явной иронией.

– Мужик – это тот, кто смотрит только на одну женщину, а не разменивается на...

– Ну, папа!.. – Андрей примирительно засмеялся. – Я просто еще не выбрал. Ты же знаешь, как это сложно.

– Конечно, сложно, если ни одной юбки не пропускать. Это срам просто! Ты в походе, а домой чуть ли не каждый день какие-то девицы называют.

– А кто именно звонил? – оживился Андрей.

– Я не выяснял! – повысил голос отец. – Стыдно, Андрей. Нельзя водить дружбу, иметь отношения с такими вот особами, которые сами звонят тебе домой. Извини меня за резкость, но это просто неприлично для девушки.

– Папа!.. – Андрей широко улыбнулся.

– Что «папа»? Ты офицер российского флота, командир! Ты должен быть образцом и в службе, и в быту, и в семье. Я твержу тебе это со школьной скамьи.

– Папа! – Андрей встал с кровати, подошел к отцу и обнял за плечи. – Папа, что случилось? Ты же не просто так ворчишь. Я таким был всегда. Ты спокойно воспринимал тот очевидный факт, что я еще не повзрослел настолько, чтобы жениться или просто завести серьезные отношения. Что с тобой, папа?

Отец опустил голову и замолчал, как будто сам понял, что сегодня разошелся не на шутку. Андрею стало его жалко. Ветеран подводного флота, капитан первого ранга в отставке с правом ношения военной формы, офицер флота, которого лично награждали два министра обороны СССР, потомок знаменитого контр-адмирала Истомина стоял и не знал, что ответить сопляку-сыну.

– Папа, – тихо сказал Андрей. – Я хочу, чтобы ты знал. Что бы ни случилось, ты всегда останешься в моей жизни на первом месте.

– Это ты сейчас так говоришь, – проворчал отец. – Пока тебя не окрутила какая-нибудь...

– Какая-нибудь, если она вообще появится, все равно останется человеком из современной жизни. А ты для меня – этой целый мир, мой собственный, мир моего детства, отчего дома, который всегда будет внутри, станет греть меня и радовать воспоминаниями. Даю тебе слово офицера, если ты считаешь меня таковым.

– Ладно, сынок, – дрогнувшим голосом ответил отец. – Извини. Наверное, я и правда старею. Боюсь остаться один. Мой мир уходит от меня так же стремительно, как ракетный крейсер, а я остаюсь. Когда-нибудь ты это и сам почувствуешь. Задумаешься вот так, стоя у окна, и поймешь, что вокруг уже новый мир, люди стали другими, изменилась армия, всем вокруг руководят уже иные принципы и правила.

– Главное, чтобы мы оставались теми, кто мы есть, такими, какими нас воспитали родители, чтобы соответствовали тому, что в нас заложено.

– Как было у берегов Сирии? – сменил тему отец.

– Нормально. Парня одного чуть не потерял, но обошлось. Не простил бы себе!..

– Андрей, это неизбежно. Командиру иногда приходится посылать подчиненных на смерть. Такова твоя работа. Учись не раскисать. Если гибнет твой товарищ, сохрани о нем достойную память. Когда надевали погоны, мы клялись не щадить жизни. А ты просто не можешь забыть гибели Сашки Ветрова в Парагвае.

– Нет. Я не могу простить себе, что сил не нашел, не смог вытащить его тело.

– Он моряк, мы с тобой тоже, – хмуро заметил отец. – Для нас пучина всегда была нормальной могилой. Тогда ты был ранен, но все-таки сумел спасти девушку. Тоже раненую!

– Если бы она погибла, то я не смог бы объяснить этого ее родителям, – сказал Андрей и вздохнул. – У нее в родне не было ни сухопутных военных, ни моряков.

– Ты больше не встречался с ней? С этой девушкой, Марией? – снова сменил тему отец. – После того раза?..

– Вообще-то это военная тайна. – Андрей улыбнулся.

– Что, все-таки встречался?

– В прошлом году я был в командировке, помнишь?

– Это когда вы ходили к берегам Африки, да?

– Да. Но мы ходили не столько к берегам, сколько именно по ним. У нас был приказ ее вытащить, вот мы и гонялись там как сухопутные.

– Вытащили?..

– Обижаешь, папа!

– Не зарывайся, сынок. Не надо. Удача – девка капризная. Если ее дразнить, то она тебе может и фигу показать. Ладно, больной, отдыхай, а мне пора. У нас сегодня встреча с ребятами с нашей лодки.

– Привет ветеранам, папа! Ты только смотри там, не очень налегай на коньяк.

– Но-но! – Отец сделал чересчур уж серьезное лицо. – Указывать старшему по званию? Не позволю!

– Пока, старший! – заявил Андрей и улыбнулся, поняв, что настроение у отца все же улучшилось.

Он проводил взглядом спину старого моряка, уже довольно сутулую, отметил, что и шаг Истомина-старшего был уже далеко не так тверд, как когда-то на палубе подводного ракетного крейсера. Стареет морской волк, это очевидно. И процесс этот для него очень болезненный. Андрей закрыл дверь. Он знал, что отец не любил сантиментов, всяких там провожаний до ворот или до лестницы. Даже долгих взглядов, брошенных вслед, терпеть не мог.

Из коридора донеслось четкое:

– Здравия желаю, Владимир Иванович!

Андрей подумал, что отцу встретился кто-то из знакомых. Это же госпиталь, тут всегда лежит много отставников.

Истомин собрался было пойти погонять шарики, но тут дверь без стука отворилась. Он обернулся и увидел своего командира.

Капитан второго ранга Серов был моложав, энергичен, бодр и проницателен. Многие боевые пловцы признавались, что им становилось не по себе от пронзительного взгляда голубых глаз этого человека. Им казалось, что он заглядывает куда-то очень глубоко, в самую душу.

Серов снял фуражку, коротким привычным движением пригладил ладонью седину на висках, подошел к Истмину и заявил:

– Докладывай о здоровье! Не надоело валяться тут?

– Я правильно понял, что этот вопрос уже кое-кто решил за меня? – осведомился Андрей и улыбнулся. – Не каждый день командир навещает своих подчиненных в лазаретах.

– Молодец, принцип понимаешь, – без улыбки ответил командир. – У тебя тут есть место, где можно поговорить спокойно, без чужих ушей?

– Можно выйти на улицу, но там жарко. Есть буфет, но там сейчас народа полно.

– Поглядите на него!.. – заявил Серов и наконец-то позволил себе улыбнуться. – Боевой пловец, краса и гордость морского спецназа страны! И жарко ему, видите ли!

– Можно пройти в конец коридора и посидеть в эркере. Сердобольные мамыши обычно снабжают там домашними пирожками молодых моряков. Сегодня вроде пусто.

Серов кивнул и вышел из палаты. В эркере под сенью двух искусственных пальм и правда никого не было. Лавки с мягкой обивкой стояли у высоких окон, заманивая к себе тех людей, которые хотели уединиться.

Какой-то парень, остриженный под машинку, по виду срочник или контрактник, шмыгнул было в эркер под ручку с девушкой.

Тут Андрей коротко и веско рыкнул на весь коридор:

– Отставить!

Парня с девушкой как ветром сдуло.

– Я правильно понял, что вы не собираетесь отправлять меня на «Москву», в Средиземное море? – спросил Истомин, когда они уселись в эркере под пальмами.

– Смысл?.. Или ты полагаешь, что Орлов не справится?

– Справится, но я же...

– Так справится или нет? Твое мнение, Андрей?

– Справится, конечно, – решительно ответил тот. – Сознаюсь, ревность одолевает и все такое... неуместное. Я готовил группу, командовал ею. Хотелось бы самому и закончить эту операцию. Вот как-то так.

– Послушай меня, Андрей! Ты один из самых опытных пловцов, прекрасно подготовлен психологически и физически. Поэтому я хочу отправить тебя на испытание нового снаряжения.

– Интересно. Что за железо?

– Больше электроника, хотя, как я понимаю, компьютерчики как раз потроха системного блока железом и называют. К нам из Питера привезли на испытание новый подводный индивидуальный комплекс. Серьезная игрушка, для нас полезная. Но нужно ответственно подойти к испытаниям. Ведь от того, насколько ты в ней разберешься, от твоих замечаний и рекомендаций зависит доводка модели до ума.

– Я «за»!.. – с энтузиазмом ответил Истомин. – Испытывать в бассейне будем?

– Нет, этот уровень они уже прошли. Сейчас пришла пора, так сказать, полевых испытаний. Нужна работа опытного пловца в различных условиях. Ты проверишь комплекс по всем его функциям. От твоего заключения будет зависеть его будущее. Одним словом, понырять придется.

– Я готов, командир. Когда приступаем?

– Не торопись. Во-первых, тебе прислали из Севастополя напарника. Крепкий парень, опытный. Капитан-лейтенант Заварзин. Он тут полежит с тобой денька три.

– Заболел, что ли? – насторожился Андрей.

– Нет, он вполне здоров, – сказал Серов и улыбнулся. – Тут вот какая хитрость. Вам вживят под кожу на шее микрочипы. Электроника настраивается на конкретного пловца, и чужой комплекс использовать ты не сумеешь. Это как полицейские пистолеты, из которых стрелять может лишь тот, на кого настроена память оружия. Слышал о таких?

– Нет.

– Я недавно читал о разработке бельгийцев из Льежского университета. Они впихнули в рукоятку пистолета аж двести пятьдесят микродатчиков. Они распознают силу и манеру сжатия оружия. Поэтому стрелять из него может только один человек. Вот и здесь все взаимодействие с электроникой будет настроено на твои личные параметры.

– Ладно! – сказал Андрей. – В киборгов я еще не играл. – Он согнул руки в локтях, сделал каменное лицо и изобразил несколько движений, характерных для робота.

Серов вздохнул, поднялся и заявил:

– Великий Посейдон! И этот человек числится моим заместителем!..

– Первый раз слышу, что у нас в отряде кто-то поклоняется древним греческим богам. – Андрей сделал вид, что смутился.

– Это название комплекса. «Посейдон».

Банка Каневского, 14 миль от Краснодарского побережья Черного моря, район пос. Шепси

Андрей без всяких объяснений понял, почему те люди, которые отвечали за проведение испытаний, не использовали при этом ни один из военных кораблей. Любое судно, удалившееся от берега на расстояние большее, чем двенадцатимильная зона территориальных вод, уже попадает в сферу внимания посторонних персон, особенно тех, которые интересуются этим по долгу службы. Тем более если речь идет о военном корабле.

А тут это всего лишь старый буксир КЩ-28 с плавучей платформой за кормой. Мало ли. Может, гидрологи, может, экологи какие-то.

Специально обученные люди собирали эту платформу в Туапсе в течение двух месяцев. Они очистили небольшую старую баржу для насыпного груза и разделили всю ее внутреннюю полость переборками на пару десятков помещений. Здесь были каюты для ученых, испытателей, кубрик для отделения морских пехотинцев, осуществляющих охрану посуды, помещения для оборудования и обслуживания подводного снаряжения. Снаружи баржа нисколько не изменила своих очертаний, так что никто не мог догадаться о ее секретной начинке.

Банка Каневского – это участок материкового склона, где в результате подъема морского дна в далеком геологическом прошлом образовались подводные скалы. Глубины здесь небольшие – в пределах 20–30 метров. Сложный рельеф банки позволял использовать различные впадины, хребты, извилистые проходы между скалами, среди колышущихся морских растений и myriad рыб для полноценных испытаний электроники комплекса «Посейдон». Все его системы можно было проверять здесь при различных режимах. Тем более что площадь банки является довольно приличной – около шести квадратных километров.

Капитан-лейтенант Заварзин оказался крепким высоким парнем. Ростом и телосложением он не уступал Андрею. Но вот характер у него оказался сложным. Он был молчаливым и крайне необщительным, в пространные разговоры на общие темы не включался, сам с Андреем не заговаривал. Даже на самое обычное «доброе утро» Истомина Заварзин отвечал лишь легким кивком. А еще он никогда не смотрел собеседнику в глаза.

Все, что Андрей знал о Заварзине, запросто укладывалось в пару строк рукописного текста. Уроженец Ростова-на-Дону, кадровый офицер флота, спортсмен-аквалангист еще со школьных годов, служит командиром подразделения водолазов на Севастопольской базе. Остальное подразумевалось само собой, учитывая специфику службы. Под воду идут только люди, обладающие железной выдержкой в любых чрезвычайных ситуациях, отличными профессиональными навыками, идеальным физическим и психическим здоровьем.

Надо сказать, что огромное недоумение у Андрея вызывало именно психическое здоровье напарника. Как раз оно-то и должно было выражаться в общительности, поддержании ровных отношений в коллективе. А тут полная замкнутость. Может, у Заварзина что-то случилось, произошла какая-то личная трагедия, и умное командование решило дать офицеру возможность сменить обстановку, устроить ему встряску в виде серьезной тяжелой работы, которая потребует от него напряжения всех сил?

Возможно. Но при своей толерантности Андрей понимал, что после тяжелых потрясений военнослужащего лучше отправлять в санаторий, под наблюдение врачей, а не под воду с новым сложным снаряжением. Но, как говорится, начальству видней. Может, и не было никакого потрясения? Вдруг этот Заварзин таким уродился? Чудны дела твои, природа!

– Подъем, ребята! – В каюту испытателей сунулась голова молодого ученого, одного из конструкторов «Посейдона». – Погодка – чудо!

– Спасибо, ошастливил, – недовольно отозвался Истомин, хотя проснулся уже минут десять назад. – И не смотри на меня так, противный! Я стесняюсь.

Ученый что-то фыркнул и захлопнул дверь. Андрей рывком выбросил тело из постели, встал на руки и прислонился спиной к холодной переборке. Заварзин завозился и опустил ноги на пол. Он опять молчал.

– Доброе утро, Саша, – произнес Истомин, принимая нормальное положение. – Как спалось?

– Нормально, – без тени каких-либо интонаций отозвался Заварзин, натягивая шорты и футболку.

– Это хорошо, – жизнерадостно ответил Андрей и в очередной раз кое-как удержался от шуток по поводу угрюмости Заварзина.

Сунув ноги в легкие плетенки, он застегнул ремешки и с довольным уханьем выбежал в коридор. Лестницу в четыре пролета, ведущую из недр баржи на палубу, Андрей преодолел на одном дыхании. Прохлада утра под ясным голубым небом обняла его за плечи и ласково заурчала тихим шелестом воды у борта платформы. День и правда начинался чудесно.

Андрей сделал несколько упражнений, растягивающих и согревающих мышцы и связки, а потом припустил рысью по периметру верхней палубы. Из двух небольших надстроек на носу и корме, которые были очень похожи на дощатые деревенские туалеты, на него с любопытством смотрели морпехи, круглосуточно несущие сторожевую вахту.

Андрей вихрем пронесся вдоль бортов баржи. Он радовался силе и молодости своего тела, мощному ровному дыханию, послушным конечностям и тут с неудовольствием увидел Антона. Этот молодой ученый, который только что приходил будить пловцов, раздражал Истомуна еще больше, чем Заварзин. Напарника вполне можно было терпеть, потому что он не мешал, просто молчал и хорошо, надежно делал свое дело. А вот этот Антон с грузинской фамилией Микиашвили мешал Андрею ухаживать за молоденькой докторшей, присланной на баржу из гарнизона.

Женщина, которая следила за всеми параметрами физических кондиций пловцов-испытателей, была удивительно хороша собой. Высокая, с быстрыми карими глазами, которые могли сказать очень многое. Они ясно выражали ее отношение к тебе, когда женщина не в настроении, а ты слишком докучаешь ей своими симпатиями, и насмешливую игривость, когда у нее появлялась охота пофлиртовать. А еще в ее взгляде частенько угадывалась такая глубокая и таинственная грусть, что сердце любого равнодушного мужика заходило в трепете и томлении. Звали ее Виктория Щастливцева.

Сейчас этот самый Антон Микиашвили тоже оказался на палубе совершенно не вовремя.

– Андрей! – Виктория подошла к остановившемуся Истомуна и внимательно посмотрела ему в глаза.

Этот взгляд вызвал легкую дрожь в глубине его груди.

– Андрей, вам с Сашей надо до завтрака сдать кровь.

Антон мгновенно оказался рядом и тут же выдал одну из своих шуточек:

– Правильно! На завтрак будут бифштексы. А мы любим с кровью. Потом уже никакой анализ не сделаешь. Правда, Вика?

– Антон! – Карие глаза докторши сверкнули укоризной. – Прекрати, пожалуйста, трепаться. Вчера у ребят были сложные погружения, и у меня есть основания беспокоиться. Я не знаю, насколько качественно проводилась декомпрессия. Так что, Андрей, зови Сашу, и отправляйтесь ко мне в кабинет.

– Вика!.. – жалобно протянул Антон и приложил руку к левой стороне груди. – У меня который день вот тут ноет и свербит.

Виктория снисходительно посмотрела на него, потом прищурилась и весьма решительно сказала:

– Будешь доставать меня своими чувствами, пропишу клизму.

Антон смущенно хмыкнул и промолчал. Он хотел было сказать, что даже клизма, поставленная прекрасными руками Виктории, принесет ему самое настоящее наслаждение, но посчитал это неприличным.

Зато Истомин не сдержался, расплылся в широченной улыбке, хищно оскалил зубы и заявил:

– А делать эту клизму по просьбе доктора буду я.

– Ф-фу, противный! – Антон сморщил нос и удалился в сторону лестницы, ведущей вниз.

Истомин усмехнулся вслед молодому ученому. Антон был очень уж красивым, чтобы не беспокоиться о том, что Виктория предпочтет именно его, а не Андрея. Вообще-то, соревнование у них было гласное, даже в какой-то степени дружеское. Они часто обсуждали достоинства докторши и строили друг другу безобидные козни.

Сбежав по ступеням трапа, Андрей распахнул дверь их каюты и не увидел там Заварзина. Пришлось искать его в кают-компании, как тут по-морскому называли обширное помещение столовой. Заварзин находился здесь. Он как раз усаживался за отдельный столик, за которым их с Истоминим кормили индивидуально, по строго рассчитанному рациону.

– Саша, подожди с завтраком, – сказал Андрей. – Пошли в медпункт. Ты как себя чувствуешь?

– А ты что, нянька мне? – привычно огрызнулся Заварзин. – Или хочешь в начальники поиграть как старший по званию?

– Ладно тебе, – примирительно ответил Андрей. – При чем тут это? Просто Виктория волнуется из-за вчерашних погружений и просит до завтрака сдать кровь. Чтобы натошак.

Заварзин молча встал и, не глядя на Истомина, пошел к выходу. Андрей нахмурился, но, увидев Антона, сразу забыл про своего напарника и тут же переключился на игры с молодым ученым.

– Ты здесь? – Истомин сделал удивленное лицо. – Пошли!.. У всех свои процедуры. Нам кровь сдавать, а тебе тоже что-то, помнится, доктор прописал.

– Учти! – Антон вытянул указательный палец, нацеливая его Андрею в глаз. – Сегодня вечером я тебя уем. Сюрпризик один наметился.

– Петь будешь? – осведомился Истомин и расплылся в саркастической улыбке.

– Вот чего не умею, того не умею. – Ученый развел руками. – Но уем.

– Ладно, – согласился Андрей, уже решил было идти сдавать кровь, но задержался и сказал: – Слушай, Антон, я тут подумал, может, у меня барический датчик врёт?..

– Да? Почему ты так считаешь?

В дверях появился профессор Полонин, строго свел брови и энергично замахал Андрею.

– Вы еще здесь?! Ну-ка, голубчик, бегом в медпункт и на завтрак. У нас очень плотный график намечается, а вы бродите как коровы недоенные. Метеорологи передают, что нас может задеть шторм. Не пришлось бы возвращаться на берег.

Вскоре испытатели вынесли оборудование на палубу и стали снаряжаться с помощью ученых. Андрей мельком глянул на горизонт. На юге небо и в самом деле потемнело. Этот признак говорил опытному моряку, что шторм может накрыть их где-то после обеда. Если и пронесет стороной, то балла два-три все равно будет. Это уже опасно. Из-за гор тоже полезли жуткие раздутые тучи. Но эти не так страшны. Всю свою влагу и энергию они растеряли над хребтами Большого Кавказа и вскоре рассеются. Обычно так и бывает.

– Андрей, смотри! – Антон держал в руках шлем Истомина. – Ты первым делом проверь его на погружении. Сначала до десяти, потом до пятнадцати и так каждые пять метров глубины.

Главное, следи, чтобы показания не были скачкообразными. Я тебе дам наручный прибор, ты с ним и сверяйся.

– Может, я рядом подержусь, подстрахую? – неожиданно предложил Заварзин. – Заодно сверим показания моего прибора и этого.

– Что там? Серьезно? – осведомился профессор Полонин, вытирая лысину большим белым платком.

– Не очень, Дмитрий Сергеевич, – ответил Антон. – Истомин вот беспокоится, что барическая система барахлит. Минут пятнадцать потестируем, а потом, если все нормально, можно будет работать по плану.

– Решайте сами, Антон Ираклиевич, – заявил профессор. – Или, может, сразу, чтобы время не терять, новый датчик поставить?

– Так с этим тоже разобраться надо. А если у них одна болезнь или же дело совсем не в нем? Тогда придется проверять всю программу.

Заварзин спустился по ступеням трапа по пояс в воду и без всплеска ушел в нее с головой. Андрей взялся за перила. Если честно, то в капитан-лейтенанте Заварзине ему кое-что нравилось. Например, обстоятельность и отсутствие склонности к позерству.

«Может, Сашка недолюбливает меня как раз за это позерство? Вообще-то, мы с Антоном ведем себя как подростки, все крутимся вокруг Виктории», – подумал Истомин, улыбнулся и показал Антону большой и указательный пальцы, сведенные в кольцо.

Мол, все нормально.

Спустившись по ступеням, он увидел, что Вика стоит и смотрит на него. Андрей не удержался и картинно грохнулся спиной о воду. Перевернувшись на живот, он хлестнул по поверхности ластами и стремительно, почти отвесно пошел в глубину.

«Итак, Антон велел мне все время сверять свои ощущения с показаниями приборов в шлеме и на руке. Может, он умышленно сказал, что в комплексе нет серьезных проблем, чтобы я тут загнулся? Тогда Вика достанется ему. Смешно, прямо как в авантюрном романе. – Но эта идиотская мысль тут же была вытеснена текущей работой. – Так, по ощущениям и визуально, если посмотреть вверх, то выходит, что я сейчас нахожусь на глубине не более десяти метров. Перед глазами на щитке с левой стороны по шкале ползет зеленая линия, похожая на подкрашенный спирт в домашнем термометре. Она показывает восемь с половиной. Наверное, зря я стал так резко набирать глубину. Тестирование следует проводить на спокойных режимах погружения. Так, а что у нас на наручном датчике? Восемь. Расхождение в полметра. Много! Если оно будет нарастать в такой же линейной прогрессии, то на тридцати пяти метрах я получу чуть ли не полтора метра разницы. Ничего хорошего!»

Андрей снова пошел вниз, плавно работая ластами и вытянув руки перед собой. Дышалось хорошо и спокойно. Вода, как ей и положено, давила на грудную клетку, зеленая полоска перед глазами стала желтой.

«Значит, я перевалил за условно безопасный предел – двадцать метров. Нет, не может этого быть. Вот и наручный прибор показывает всего двенадцать. Надо остановиться и понаблюдать. Черт! Полоска перед глазами стала оранжевой и начала набухать красным цветом. Вот-вот она покажет критическую для погружения с кислородом глубину. – Андрей снова глянул вверх, потом на наручный прибор. – Четырнадцать метров! Нет, с таким прибором плавать нельзя. Пошли-ка наверх».

Но тут случилось то, чего Андрей никак не ожидал от этой мудреной электроники. Он ясно ощутил щелчок в затылочной части шлема, а среди символов на щитке, куда проецировалась вся информация, замигал сигнал переключения на глубинную смесь. Не может быть!

Андрей рванул было вверх, бешено молотя ластами, как вдруг вспомнил, что ему нельзя подниматься с такой скоростью. А если врет наручный датчик или тот, который вмонтирован

в шлем? Вдруг электроника вообще дала сбой и в легкие ему начнет поступать вообще какая-то невообразимая смесь? Тогда отравление, причем смертельное.

Андрей увидел перед собой круглую сферу шлема с зеркальным забралом и только потом вспомнил, что заметил на экране сонара движение крупного тела. Под шлемом напротив могла быть только голова Заварзина. Андрей не успел показать, что у него проблемы с дыханием, как напарник протянул руки к своей голове. Он нажал пальцем клапан заполнения полости шлема водой, потом рывком сорвал скобы лицевой пластины. Экран повис на кабеле и заколыхался рядом с головой Заварзина. Андрей увидел, что напарник держит во рту аварийный загубник, которым следовало пользоваться как раз тогда, когда происходила разгерметизация шлема.

Андрей все понял, задержал дыхание и стал разгерметизировать свой шлем. Он увидел, что Заварзин энергично кивает ему. Холодная вода перехватила горло, забулькали пузыри возле клапана подачи воздуха. Сейчас он сработает и перестанет качать. Есть! И прежде чем вода добралась до подбородка Андрея, в десны ему с силой ударился аварийный загубник. Он схватил его и жадно вдохнул. Воздух, не смесь!

Заварзин большим пальцем показал подъем и плавно заработал ластами. Теперь Андрей стал еще внимательнее относиться к своим ощущениям. Перед глазами нет показаний индикаторов, сведений о составе вдыхаемого воздуха. Сначала он подумал, что ему показалось, но потом почувствовал легкий холодок на кончике языка. Проклятая электроника снова начала гнать смесь. Причем наверняка для глубин метров в девяносто, судя по привкусу.

По его глазам и лицу Заварзин, кажется, понял, что происходит что-то неладное. Он сделал два глубоких вдоха, вытащил свой загубник и протянул его Истомину. Это шанс! Правда, им придется только что не целоваться друг с другом в губы. Но тут уж не до условностей. Андрей с шумом выдохнул и схватил загубник Заварзина. Он сделал несколько вдохов и выдохов, потом посмотрел напарнику в глаза. Тот не подавал сигнала «дай подышать».

Андрей взглянул на приближающуюся пленку поверхности. Еще метров восемь – десять. Он вытащил загубник и протянул его Заварзину.

«Кажется, ни дурноты, ни других неприятных ощущений нет, – подумал Истомин. – Опять Вика будет колоть палец и лезть иглой в вену, добывать мою кровь и старательно хмурить бровки. А какие они у нее!»

Заварзин снова протянул напарнику загубник. Андрей сделал несколько вдохов и опять посмотрел на свет, мерцающий сверху.

«Кажется, волнение усиливается. Сейчас начнут возиться с моим комплексом, тестировать электронику. Значит, мне сегодня не придется погружаться, – решил он. – И с аквалангом не пустят, чтобы Сашку страховать, а по одному нельзя. Значит, на сегодня все?»

Андрей вытащил загубник, вернул его Заварзину и заработал ластами на полную мощность. Секунд через тридцать его голова показалась на поверхности. Рядом маячила спасательная лодка, в которой, с трудом удерживая равновесие, стоял Антон с прибором в руках. Значит, наверху по показаниям электроники поняли, что случились неполадки, и ждали их на месте всплытия.

– Что случилось? – закричал Антон, увидев Истомина с разгерметизированным шлемом. – Сашка где?

– С ним все нормально, – устало пробормотал Андрей, когда два морпеха схватили его под руки и втащили в шлюпку. – Следом идет. Если бы не он, то хрен его знает, чем бы дело кончилось.

– Вон он! – загалдели в лодке, видимо, заметив Заварзина, всплывшего на поверхность. – Давай к нему. У него тоже разгерметизация!

– Андрей, что, черт возьми, произошло? – присаживаясь рядом с Истоминным на корточки, спросил Антон. – Все-таки датчик?

– Боюсь, что хуже, Антоха. Дело в программе. Сбой какой-то, глюк. Нужно перепрограммировать. Комплекс не просто стал врать об истинных глубинах погружения. Он начал реагировать на ложные показания, гнать в систему дыхания глубинные смеси. Мы с Сашкой дышали через его загубник по очереди, пока поднимались.

Когда Заварзина втащили в лодку, Андрей молча протянул напарнику руку. Тот впервые посмотрел ему в глаза, чуть помедлил, крепко пожал руку и снова отвел глаза в сторону.

На платформе их ждал Полонин. Профессор не просто нервно мерил шагами палубу, он буквально бежал по ней из конца в конец, то стискивая кисти рук за спиной, то размахивая ими.

Услышав первые объяснения причин происшествия, профессор накинулся на Антона:

– Как можно относиться к делу с такой халатностью? Ты понимаешь, Антон, что поставил под угрозу не только испытания новой системы, но и чуть людей не угробил?!

– Дмитрий Сергеевич, мы как раз и тестировали систему! – пытался защищаться молодой ученый. – Андрей ведь предупредил о неполадках, вот мы ими и занимались. Как на борту можно было выяснить?..

– На компьютере, милый мой! Надо было сесть за него и смоделировать глубину погружения. А вы как мальчишки!.. Кстати, вы тоже хороши, Истомин!

Андрей смотрел не на разбушевавшегося профессора, не на смущенного и красного как рак Микиашвили, а на взволнованную Викторину, которая спешила к ним со своим медицинским чемоданчиком. Сколько тревоги в этих карих глазах, как вскинуты брови!.. До чего же ей идет эта короткая прическа!

Как только Истомина освободили от снаряжения, докторша тут же усадила его на легкий стул и принялась прослушивать пульс, оттягивать веки и заглядывать в глаза. Потом то же самое она проделала с Заварзиным.

Андрей не понял, что беспокоило ее, но ему хотелось, чтобы Виктория подольше трогала его руками, прикасалась к нему, чтобы ее лицо было так близко. Правда, трудно удержаться и не поцеловать ее в щеку. Ох, как трудно!

– Оба быстро ко мне в медпункт на комплексное обследование! И никаких погружений сегодня! Я категорически протестую!

– Да какие еще погружения, – остывая, проворчал профессор. – С оборудованием разбираться надо, да и шторм может нас захватить.

Все люди, находящиеся на палубе, как по команде повернули головы на юг, где небо затягивалось темным покрывалом надвигающейся непогоды.

Освободившись от гидрокостюма, Андрей растерся полотенцем, натянул привычные шорты и футболку. В медпункт они с Заварзиным спустились молча и без слов терпели все, что с ними проделывала Виктория.

Примерно через час в медпункт заглянул улыбающийся Антон. Он посмотрел на моряков, потом на докторшу. Андрей сразу отметил, что глаза у ученого стали масляными.

– Парни, с берега прислали информацию. Шторм нас должен миновать. Его сносит к западу, и он нас почти не заденет. Так что к берегу не идем. Стоим на якоре. – Это последнее предложение было произнесено с некоторым морским шиком и, кажется, специально для Виктории.

Потом Антон шумно вздохнул, снова обратил свой взор к Истому и сказал:

– Андрей, вы с Сашей потом к нам в лабораторию зайдите. Обсудить надо кое-что. По поведению комплекса. Мы там уже немножко поработали, но программу придется переставлять.

– Антон, сегодня больше никакой работы! – строго сказала женщина. – Пловцам нужен отдых.

– Да мы и не устали, – попытался возразить Истомин, но Виктория так посмотрела на него, что он сразу замолчал.

Зато теперь в разговор ввязался Заварзин, чем очень удивил Андрея. Капитан-лейтенант вдруг стал убеждать Викторию в том, что они не успели получить никакой чрезвычайной нагрузки. Так только, поплавали немного, потренировались в задержке дыхания. Обычное дело, привычное занятие. Сашка даже стал спорить с докторшей, которая утверждала, что последствия стресса могут сказаться при повторном погружении, если таковое сегодня состоится. Андрей усмехнулся, но промолчал.

Если бы эта кареглазая молодая женщина знала, через какие опасные ситуации и стрессы пришлось пройти Истомину за время службы, то сегодняшнее погружение показалось бы ей простым купанием в ванне. Разве это стресс?

Через час Истомин отправился искать Антона. Нашел он его в лаборатории. Молодой ученый возился там с почти полностью разобранным шлемом комплекса, подключенным к компьютеру.

– Нашел причину, Антоха? – спросил Истомин, усаживаясь рядом.

– Раздевайся, – буркнул тот, не отрываясь от экрана, на котором виднелись какие-то таблицы.

– Ну, зачем же так сразу? – пошутил Андрей. – Может, сначала поухаживать, цветы, мороженое? Да и вообще, ты не в моем вкусе.

– Мне твой чип надо проверить. – Антон не принял шутки, чем насторожил Истомина. – Такое ощущение, что в системе... нет, не то чтобы вирус, а было какое-то некорректное вмешательство. Например, когда от компьютера отключаешь съемный накопитель без соблюдения процедуры. Комп может зависнуть или сам начать проверку.

– Выходит, мой чип может дать сбой?

– Я не знаю, Андрей. Нужно все проверять и смотреть. Теоретически ломаться нечему. Там просто электронный ключ к программе, пароль. Вот и все.

Глава 3

К ночи погода успокоилась. Звездное небо и тихий плеск волн за бортом располагали к задумчивому созерцанию природы или любовным встречам. Но экипаж испытательной платформы как будто вымер. Боевых пловцов Виктория категорически отправила отдыхать, ученые погрузились в проверку обоих комплексов, проводимую в недрах лабораторных отсеков. Пока стояла хорошая погода, надо было максимально ускорить программу испытаний. Только молчаливые морпехи дежурили по двое на носу и корме платформы в специальных кабинках, вдыхали морской воздух и поглядывали на небо.

В восемь утра после легкого калорийного завтрака на палубу было вынесено оборудование контроля, сонарные системы и оба комплекса. Истомин облачился в гидрокостюм, застегнул все пряжки и ремешки, водрузил на голову шлем. Антон суетился рядом, проверяя работу клапанов.

– Слушай, ко мне вчера Вика приходила, – вдруг сказал он.

– Что-что? – удивился Истомин и схватил ученого за руку. – Ты хочешь сказать?..

– Руку-то отпусти, – заявил Антон и рассмеялся. – А то сломаешь.

– Если ты собрался мне всякие гадости про нее рассказывать, то я тебе не только руку сломаю, – пообещал Истомин, сам не понимая, шутит он или говорит серьезно.

– Ты прямо как ребенок? – сухо ответил Антон. – Она, между прочим, про тебя расспрашивала. Мы сидели у меня в лаборатории и разговаривали о тебе.

– И что?.. Чего она хотела, – заторопил его Истомин, отпустив руку.

– Не совсем понял. Не могу гарантировать, что она на тебя запала, но все может быть. А расспрашивала Вика вот о чем. Мол, правда или нет, что ты потомок известного контр-адмирала Истомина.

– Антоха! – блаженно улыбаясь, сказал Андрей. – Смотри, если с комплексом снова начнется всякая ерунда, то я теперь буду знать причину. Учти, что соперник я серьезный.

Антон некоторое время очень серьезно смотрел через стекло шлема Андрею в глаза, потом с грустью заметил:

– Ну и юмор у вас, господа офицеры! Он какой-то... военно-морской. – Антон вдруг повернул голову и посмотрел куда-то на восток.

Андрей взглянул в том же направлении. К платформе на приличной скорости шел большой катер. Морпехи насторожились.

Пока шлем еще не загерметизировали, Андрей успел услышать, как кто-то сказал, что связи с берегом нет. Опять какие-то помехи. Сигнал не проходит.

Высоко поднимая ноги, шлепая лапами по палубе, Андрей подошел к трапу и в ожидании, пока Заварзин сойдет в воду, посмотрел на Викторию. Молодая женщина стояла рядом с инженером, перед прибором, на который оба комплекса отправляли показания о состоянии пловцов. Истомину хотелось, чтобы она посмотрела на него, чтобы легкой улыбкой проводила в пучину, сделала небольшой, совсем незаметный знак рукой.

Андрей вспомнил, как Антон только что сказал ему, что он ведет себя как ребенок. Мысль была неприятная для кадрового офицера, участника нескольких специальных операций, проводимых в самых разных морях и океанах, на форменном кителе которого красовалось немало боевых наград.

«Тоже мне, нашелся моралист, – подумал Андрей. – Нечего путать профессиональные качества и отношение к женщинам. Может, я так ухаживаю?!»

Он спустился по пояс в воду, снова посмотрел на Викторию, оттолкнулся руками от борта и плавно ушел под воду.

«Мы тоже умеем без понтов, – подумал Истомин, выжидая, когда комплекс настроит изображение, сделает его максимально четким. – Все, надо начинать выполнять программу сегодняшних испытаний. Мы с Заварзиным должны пройти...»

Слева от себя Андрей вдруг увидел пловца, болтающего ластами, и удивился тому, что на его спине два цилиндрических баллона и сплюснутый контейнер регенераторов. Потом он заметил еще одного человека. Даже скорее не увидел его, а уловил по показаниям сонара, постоянно обследующего пространство.

Чувство опасности пришло мгновенно, вместе с ожесточенным пониманием того обстоятельства, что у него нет при себе никакого оружия кроме ножа. Большой корпус платформы на экране перед лицом почему-то раздвоился, как будто буксир отшвартовался от нее и куда-то поплыл.

Боль в ноге Андрей почувствовал не сразу. Сначала был удар, потом онемение, на которые он почти не обратил внимания. Истомин крутился на месте, выхватив нож и пытаясь определить положение Заварзина. На экране сонара оказалось слишком много движущихся меток. Спустя пару секунд ему стало плохо. Навалилось головокружение, слабость охватила все тело. Из безвольно повисшей руки выпал нож. Потом Андрей провалился в темную дурноту.

Морские пехотинцы, несшие службу по охране испытательной платформы, слишком поздно поняли, что ученым угрожает реальная опасность. Сам факт отсутствия связи еще ни о чем не говорил, как и приближение быстроходного суденышка. Но оба факта вместе, да еще громкий всплеск за спиной и утробное фыркание насосов субмарины во время всплытия – это было уже серьезно. Подлодка была маленькая, всего метров двадцать в длину. На невысокой надстройке не имелось никаких опознавательных знаков.

Пока морпехи выбегали на палубу и занимали оборону, с катера слетела и плюхнулась в воду темная зловещая сигара. Даже ученые, заматававшиеся по палубе, поняли, что это торпеда, пусть и небольшая, но вполне реальная.

Автоматные очереди смешались со звуками стрельбы крупнокалиберного пулемета. Следом с катера ударили по буксиру из автоматической малокалиберной пушки. В районе машинного отделения стали вспухать огненные бутоны, разряжающиеся сизо-черным дымом. Пламя вспыхнуло почти сразу. На буксире взревела сирена, которую вряд ли кто мог услышать и прийти на помощь.

Моряки на платформе бросились в разные стороны от того места, куда вот-вот должна была ударить торпеда. Они хватали ученых и оттаскивали их на безопасное расстояние. Судя по размерам устройства, несущегося к платформе, оно не обладало огромной разрушительной силой. Был шанс уцелеть.

Взрыв взметнул белый пенный столб воды и какие-то обломки. Платформу подбросило и накренило почти на тридцать градусов. Всего два или три человека сумели удержаться за леера ограждения и не слетели за борт. Над водой расползлся удушливый черный дым от горевшей солянки и краски бортов буксира.

В этой суматохе никто не понял, в какой момент исчезли быстроходный катер и субмарина. Морские пехотинцы вытаскивали из воды ученых и своих товарищей. Люди на буксире пытались потушить пожар в машинном отделении, а само суденышко начало крениться на левый борт.

Но это было не самое страшное. Настоящая беда состояла в том, что платформа, в развороченный борт которой хлестала морская вода, погружалась очень быстро. Когда ее готовили к испытаниям, никто и не задумывался о таких мерах предосторожности, как водонепроницаемые переборки.

Порядок, заставляющий всех и всегда плотно закрывать двери кубриков, неукоснительно соблюдался моряками почти всегда. Почти! Видимо, некоторые двери, устроенные по типу

люков с уплотнительными прокладками, были все же не закрыты. Заполнится платформа водой или нет?

Капитан буксира, стиснув зубы, смотрел через дым на погружающуюся платформу и все не мог решить, сбрасывать буксировочный трос или нет. Если платформа пойдет ко дну, то утянет за собой и поврежденный буксир. А если нет? Вдруг именно этот трос и позволит платформе удержаться на поверхности, плавучесть буксира спасет не только часть людей, но и ценное оборудование ученых?

Антон вынырнул, ударился головой о какую-то деревяшку и стал осматриваться. Вокруг железной баржи плавало великое множество всяческих обломков.

«Но как же мало человеческих голов на воде! Неужели почти все погибли? Вика!.. – Антон поплыл к борту баржи, ухватился рукой за край и приподнялся над водой. – Нет, кажется, не все так плохо. Трое морпехов затаскивают гражданских на баржу. Еще человека четыре лежат на палубе, отплевываясь. А вон еще и в воде моряки. Они помогают ученым добраться до борта».

Он не видел Вики. В голове тут же замелькали обрывки воспоминаний о том, как шла торпеда, как он ждал взрыва, успел понять, что Виктория у противоположного борта, стоит рядом с оператором аппаратуры. Не теряя больше времени, Антон нырнул и стал энергично гребсти в направлении того места, где докторша могла упасть с баржи.

Взбаламученная вода, разводы каких-то маслянистых жидкостей сделали воду не такой уж и прозрачной, но Антон увидел-таки тело в белом ореоле просторного сарафана. В нем Вика была на палубе.

«Она почти не погружается, значит, в легких есть воздух, – понял Антон. – Если бы она хорошенько глотнула воды, то легкие заполнились бы ею. Тогда Вика быстро ушла бы вниз».

Чувствуя, что его грудь вот-вот разорвется, Антон стал толкать женское тело вверх, энергично гребя руками и отталкиваясь по-лягушачьи ногами. Еще чуть-чуть! Наконец-то он с хрипом втянул в грудь воздух! В легкие все равно попали какие-то капли воды. Антон стал отчаянно кашлять, но все же схватил Вику за руку, рывком подтянул к себе, поднял ее голову над водой. Чьи-то руки уцепили его за плечи, стали помогать поддерживать женское тело. Борт платформы оказался совсем рядом.

Когда морпехи вытащили Вику и помогли взобраться Антону, ученый понял, что они тонут. Все было гораздо хуже, чем он надеялся. Буксир отчаянно дымил неподалеку и, видимо, сам набирал воду через борт, пробитый ниже ватерлинии. От буксира отваливал яркий надувной спасательный плот с двумя моряками. Они двигались к платформе. Тот ее борт, в который попала торпеда, уже скрылся под водой. Еще немного, и вся эта махина опустится на дно.

– Вика, Виктория! – Антон стал пошлепывать ладонями женщину по щекам.

Он наклонился к ее рту в надежде уловить признаки дыхания, как в ухо ему ударило водой и женским вскриком. Антон повернул тело на бок, чтобы помочь выходу воды, тут же вспомнил, что нужно сделать еще. Он перехватил Вику за поясницу и поджал ее живот в области диафрагмы, заставляя наклоняться вниз через его руки. Вика кашляла, ее рвало водой, но она дышала.

Потом он опустил ее на спину, наклонился к лицу и спросил:

– Как ты? В порядке?

– Ты вытащил меня? Спасибо, Антоша! Я так испугалась, а потом вода попала в легкие. Я испытала настоящий ужас, а потом темнота...

– Не волнуйся! Все хорошо. Ты просто глотнула воды, совсем чуть-чуть. Ничего страшного.

Женщина схватила его за руку и прижалась к ней щекой. Это было проявление благодарности за спасение, но Антон понял, что глаза Вики бегают по палубе в поисках... Истомина?

Но Андрея не было среди людей, находившихся на платформе. Не мелькали шлемы испытателей и в воде.

«Может, они погрузились, спасая тонущих? – подумал Антон. – Но взрыв торпеды? Он же должен был убить всех, кто был в тот момент под водой. Или нет? Почему нападение, почему все не по плану? Почему сейчас?»

Андрей приходил в себя медленно. Это было не быстрое тревожное пробуждение, не возвращение сознания после контузии. Там все происходит иначе, гораздо быстрее. Андрей даже подумал, что так люди чувствуют себя после наркотического опьянения. Их долго тошнит. В голову лезут вялые и какие-то липкие мысли, похожие на кисель.

Постепенно он начал чувствовать ноющую боль в ноге, и к нему тут же стали возвращаться воспоминания. Удар или толчок, когда он был под водой. А мотает его потому, что он лежит на палубе какого-то суденышка, которое резво мчится по волнам. Чужие пловцы, потеря сознания. Нет, не сразу. Сначала Андрея как в бреду тащили куда-то, потом вода ударила его, все заплесало так, как будто они попали в полосу прибоя. А дальше что?.. Вслед за этим он медленно погрузился в бессознательное состояние.

Значит, это было нападение. В ногу ему было введено какое-то специальное средство, обездвиживающее, вызывающее недолгую потерю сознания, какой-то наркотик.

А потом? Это колыхание? Взрыв? Платформа! Вика!

Андрей испугался, и в сознании наступило прояснение. Диверсанты, взрыв платформы и захват его самого вместе с комплексом. Значит, «Посейдон» в руках иностранной разведки, он сам в плену, а платформа погибла?

Ничего подобного! Андрей успокоился, заставил себя не паниковать. Чтобы утопить даже такую маленькую баржу, нужно всадить ей очень неслабый заряд ниже ватерлинии. Нет, от такого взрыва похитителям Истомина под водой в аквалангах было не уйти. Чтобы гарантированно разворотить борт судна и пустить его на дно, нужна дыра размером в три или четыре квадратных метра.

Истомин сам был профессиональным диверсантом и прекрасно знал, что в таких случаях используются заряды мощностью от 100 до 200 килограммов, устанавливаемые боевыми пловцами в нужных частях корпуса судна. Или в одном, в зависимости от типа судна. А обычная универсальная торпеда несет в себе от 200 до 400 килограммов взрывчатого вещества. В обоих случаях такой взрыв убил бы всех, кто в этот момент находился под водой в радиусе кабельтова. Нет, тут грохнуло далеко не так мощно. Гораздо слабее. Отвлекающий маневр?

Андрей наконец-то попытался открыть глаза. Он лежал под каким-то ящиком так, что его ноги торчали наружу, и не был связан.

В голове Истомина мелькнула шальная мысль о том, что его вытащили свои или какие-нибудь другие рыбаки и теперь везут к российским берегам. Но он тут же отогнал эту идею. Нет, рыбаки на таких катерах не ходят. Тут сквозь палубу чувствуется такая мощь, которая необходима только для решения весьма специфических задач. Это какое-то специальное судно. Оно предназначено для скоростных пробегов на средние дальности. Куда? К каким берегам? Где могли обосноваться резиденты разведки, провернувшей такую вот операцию? В Турции, в Румынии? Если далеко не ходить, то и на территории Грузии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.